

4.6.96.

Лем Станислав

ДАЙДЖЕСТ

THE TIMES

Газета «Таймс», Великобритания

Если вы живете в центре Кракова, каждый поляк вам завидует — здесь много старинных зданий, в отличие от Варшавы город во время войны пощадили немецкие огнеметы, нет там и отвратительных творений архитекторов сталинской эпохи.

Почему же великий Станислав Лем, которому книги принесли миллионы, предпочел поселиться в одном из самых незрелых предместий Кракова, по соседству с фабричными складами, вдали от изящных кафе и модных кафе? Ответ прост: если голова парит где-то в Галактике, местонахождение остальной части тела не имеет значения. Его разум путешествует сегодня по электронному шоссе, начиненному данными о том, с какими проблемами мир столкнется в XXI веке.

Автор «Соляриса», «Астронавтов», «Голоса Неба» отказался от научной фантастики в пользу профессиональной футурологии.

Его последнюю работу в области научной фантастики — «Мир на земле», опубликованную в Кракове в 1987 году, сейчас переводят на английский. Герой, бесстрашный Иджон Тици, справляет нужду за булыжником в Море спокойствия, ведь на Луне нет общественных туалетов. И в этот момент его «облучают» ультразвуком. В результате полушария мозга оказались разделенными и тело пребывает в состоянии непрерывной войны с самим собой. Вот он, грешный мир, где правят люди, которые едва в состоянии контролировать свои собственные телодвижения и желания.

«Я написал «Мир на земле» в 1985 году, — говорит Лем. — Жил тогда в Вене и Берлине, но события в книге окрашены в тона

чрезвычайного положения в Польше». Холодная война, казалось, достигла апогея. Пентагон разработал невысказанные планы звездных войн, а в Москве три престарелых вождя умерли один за другим. И вдруг мир изменился. Берлинская стена рухнула, коммунистические режимы пошли на дно. Научная фантастика перестала быть подходящим средством для высказывания крамольных мыслей в аллегорической форме. Революции 1989 года нанесли удар как по авторам шпионских романов, так и по фантастам.

«Мир на земле» оказался его прощальным трудом. Теперь польский литератор занимается другим делом — дает советы правительствам, составляет увесистые (порой, остроумные) доклады о том, что произойдет в ближайшем и далеком будущем.

«Моя задача — прогнозы компьютерных преступлений и технологических опасностей, тащущихся на информационном шоссе». По словам Лема, образовался разрыв между законодательством и темпами развития науки. Первые потрясения будут связаны с экспериментами в области генетики и искусственного оплодотворения.

Сначала Лем получил заказ от Фонда Горбачева, который попросил его дать прогноз на 2000 год. Он представил детальный анализ с данными о СПИДе, вирусных эпидемиях, перенаселенности и глобальном потеплении климата, но доклад так и не был оглашен, так как президент Ельцин перестал финансировать Фонд Горбачева еще до того, как была созвана намечавшаяся конференция. Но заказы продолжают поступать. Например, Институт в Мюнхене попросил его написать работу о последствиях появления микропроцессоров, заменяющих мозг человека.

Жена — рентгенолог на пенсии — помогает Лему организовывать проекты и идеи.

Ему нужен такой домашний организатор: слишком много мыслей рождается и моментально погибает. «Я сижу на платформе, вижу, как проносятся поезда, но, к сожалению, не могу угнаться за каждым». А между тем люди интересуются его взглядами на земные проблемы. Вот лишь несколько суждений фантаста:

— капитализм неизбежно начнет распадаться, как и коммунизм,

— эра великих политиков прошла, так как из-за бурного потока информации стало невозможно принимать решение,

— боснийский кризис напоминает нападение Муссолини на Абиссинию — тогда, как и сейчас, Запад был парализован.

Солнечный свет затухает в кабинете, напоминающем библиотечную галерею. Дом все больше походит на башню крепости: чтобы отбить нападение захватчиков, нужно сначала обнаружить их приближение.

Есть мнение, что Лема как такового вообще не существует, его фамилия — псевдоним, за которым скрывается группа мыслителей. Лему эта версия нравится: в конце концов в его прозе полно странных, хотя вполне вероятных теорий. Однако Лем — это не выдумка. Он одевается как Бог на душу положит, чем-то похож на человека, спасшегося после кораблекрушения. Еще ребенком, прибегнув к помощи польско-немецкого словаря, он изучил книгу электротехнических экспериментов и стал изобретать собственные машины. К восемнадцати годам обладал обширными знаниями в физике и химии, начал изучать медицину, писал стихи. По существующей в то время шкале учителя выста-

Положили бы меня

В холодильник лет на пятьдесят...

Станислав ЛЕМ

жить и работать в этой системе. Но я считал, что коммунизм когда-нибудь все-таки рухнет», — признается писатель.

Лем не сумел предсказать срок падения коммунизма. Наверное, это беда всех футурологов — прогнозировать хронологию особенно рискованно.

Лем редко улыбается. Нужно суметь разглядеть юмор в его глазах. Порой, кажется, разговор для него — трата времени, несовершенный метод обмена информацией. Трудность общения — одна из главных тем в его романах, не только в «Мире на земле», где левое и правое полушария мозга постоянно конфликтуют, но и в «Солярисе», где люди, заброшенные на океан плазмы, безуспешно пытаются вступить в контакт с планетой — мозгом. Они все время хотят наладить связь с другими мирами, но молчит бесконечная Вселенная.

Выходит, Лем — пессимист? Но он не был бы подлинным футурологом, если бы временами не противоречил сам себе. Както он заявил: «Надеюсь, не доживу до следующего века, нас ждет слишком много неприятностей». В другой раз заметил: «Положили бы меня в холодильник лет на пятьдесят, как хорошо проспать этот трудный переходный период».

Так все-таки смерть или длительная спячка? Мозг Лема «бурно пульсирует», не хочет отпускать хозяина в небытие. Да и не пессимист он вовсе, а, говоря его языком, «просвещенный либеральный рационалист». Мы не приближаемся к концу истории, считает Лем, завершается эра утопического мышления. Что же остается? «Прагматизм, вера в изобретательность человека».

Владимир СКОСЫРЕВ.
ЛОНДОН.